

*Посвящается мужчинам и женщинам,
благодаря которым полет в космос стал реальностью.*

*Величайшие достижения человечества начинаются
с мечты.*

Благодарности

Я не смогла бы написать эту книгу без великодушной помощи сотрудников НАСА. От всего сердца хотелось бы поблагодарить:

Элла Кэмпiona (отдел по связям с общественностью НАСА) — за потрясающую экскурсию по Космическому центру имени Джонсона;

руководителей полетов Марка Киразича (МКС) и Уэйна Хейла (шаттлы) — за то, что объяснили, в чем состоят их сложные функции;

Неда Пенли — за рассказ о процессе отбора полезной нагрузки;

Джона Хупера — за то, что познакомил меня с новой модификацией корабля аварийного спасения;

Джима Рейтера (Центр космических полетов имени Маршалла) — за то, что растолковал мне, как на МКС работает система регулирования окружающей среды и обеспечения жизнедеятельности;

бортовых врачей Тома Маршберна и Смита Джонсона — за подробный рассказ об экстренной медицинской помощи в условиях невесомости;

Джима Рунке — за то, что ответил на все мои вопросы, касающиеся техники (порой весьма экстравагантные);

Теда Сассина (уже пенсионера) — за воспоминания о многолетней работе инженером по аэрокосмической технике.

Также я благодарю специалистов, работающих в самых разных областях:

Боба Труакса и Бада Мейера, самых настоящих ракетчиков из компании «Труакс инжиниринг», — за то, что про-

светили меня инсайдерской информацией о многоразовых ракетах-носителях;

Стива Уотермана — за его познания в области декомпрессионных барокамер;

Чарльза Д. Салливана и Джима Буркхарта — за сведения о вирусах, поражающих земноводных;

доктора Росса Дэвиса — за рассказы о нейрохирургии;

Бо Барбера — мой фонтанирующий источник информации о самолетах и взлетно-посадочных полосах. (Бо, я полечу с тобой когда угодно!)

Наконец, я должна в очередной раз поблагодарить:

Эмили Бестлер, которая дала мне возможность расправить крылья;

Дона Клири и Джейн Берки из Агентства Джейн Ротрозен — они отлично знают, из чего вырастают хорошие книги;

Мег Рули, которая сказку делает былью.

И главное — моего мужа Джекоба. Дорогой, без тебя этой книги не было бы!

1

Галапагосский рифт **0° 30' ю. ш. 90° 30' з. д.**

Он парил над кромкой бездны.

Под ним зиял холодный мрак подводной преисподней, куда не проникает солнце и где свет возможен только в виде мимолетных искорок — разгорающихся и быстро угасающих огней люминесцирующих созданий.

Доктор Стивен Д. Ахерн плыл в глубоководном аппарате «Дип Флайт IV». Он лежал ничком в ложементе, повторяющем контур человеческого тела, его голову облекал прозрачный акриловый фонарь, а душа доктора ликовала от ощущения свободного полета в безбрежном просторе глубины. В лучах светильников, размещенных на крыльях субмарины, сеялся мелкий бесконечный дождь — то были органические останки, дрейфующие из далеких отсюда, пронизанных солнцем поверхностных слоев, трупики простейших, медленно опускавшиеся сквозь многометровую толщу воды на океанское дно, где они найдут свое последнее пристанище.

Паря в этом легком дожде останков, Ахерн вел «Дип Флайт» вдоль кромки подводного каньона, следя за тем, чтобы бездна оставалась по левому борту, — он пока еще не хотел выходить за пределы плато.

Несмотря на то что пустыня донных осадков выглядела совершенно голой, свидетельства жизни были

здесь повсюду. На океанском дне, словно выгравированные, виднелись борозды и дорожки, оставленные бродившими здесь существами, которые сейчас надежно спрятались под пологом наносов. Ахерн заметил и следы человека: ржавую цепь, обвившуюся вокруг потерянного кем-то якоря, бутылку из-под газировки, наполовину погрузившуюся в ил. Призрачные знаки чужого верхнего мира...

Неожиданно его взору открылось поразительное зрелище — словно бы перед ним выросла подводная куртина обугленных древесных стволов шестиметровой высоты. Это были «черные курильщики» — трубы, которые образовали растворенные в воде минералы, вихревыми потоками вырывавшиеся из трещин земной коры. Тронув ручки управления, Стивен осторожно повернул вправо, чтобы обойти трубы.

— Я недалеко от гидротермального жерла, — сообщил он. — Иду на двух узлах, по левому борту трубы «курильщиков».

— Как ведет себя наша лодочка? — раздался в наушниках голос Хелен.

— Отлично. Я бы прикупил себе такую малышку. Хелен рассмеялась:

— Тебе придется выложить о-очень крупную сумму, Стив. Еще не обнаружил конкреционное поле? Оно должно быть впереди, прямо по курсу.

Некоторое время Ахерн молчал, вглядываясь в подводный мрак. Потом произнес:

— Вижу.

Марганцевые конкреции походили на разбросанные по океанскому дну кусочки каменного угля. Эти поразительные, почти неестественно гладкие желваки были образованы минералами, отложившимися вокруг маленьких камешков или песчинок. Такие конкреционные поля — весьма ценный источник титана

и других полезных металлов. Но они не интересовали доктора Ахерна. Стивен искал нечто более ценное.

— Направляюсь в каньон, — произнес он.

Пошевеливая ручками управления, Стивен подвел «Дип Флайт» к кромке плато, а затем перевалил через нее. Когда скорость увеличилась до двух с половиной узлов, крылья субмарины, сконструированные так, чтобы создавать не подъемную силу, как у самолета, а, наоборот, «опускающую», потянули аппарат вниз. Стивен начал спуск в бездну.

— Тысяча сто метров, — отсчитывал Стивен. — Тысяча сто пятьдесят...

— Помни о зазоре. Расщелина узкая. Ты следишь за температурой воды?

— Она начала подниматься. Уже тринадцать градусов.

— До жерла еще порядочно. Вот пройдешь две тысячи метров, тогда вода и впрямь станет горячей.

Внезапно перед лицом Ахерна мелькнула какая-то тень. Стивен мотнул головой, непроизвольно дернул ручку управления, и аппарат завалился на правый борт. Сильный удар о стену каньона сотряс субмарину.

— Боже!

— Что там у тебя, Стив? — спросила Хелен. — Немедленно доложи состояние!

Он судорожно хватал ртом воздух, сердце зашлось в панике, — казалось, оно колотится не о ребра, а прямо о ложемент.

«Корпус! Неужели я повредил корпус?»

Сквозь хрип собственного дыхания Стивен пытался разобрать, нет ли посторонних звуков — крика разрываемой стали, торжествующего вопля воды, со смертельной силой пронзающей оболочку. Тысяча сто метров отделяли его от поверхности, и давление свыше

ста атмосфер страшным кулаком сжимало аппарат со всех сторон. Разрыв корпуса, водяной залп — да его просто размажет!

— Стив, ответь мне!

По телу Ахерна струился холодный пот. Наконец Стив заставил себя заговорить:

— Я тут немного дернулся... и вписался в стену каньона...

— Повреждения есть?

Он осмотрел фонарь:

— Не могу сказать. Думаю, удар пришелся на передний гидролокатор.

— Маневрировать можешь?

Стивен подвигал ручками управления, закладывая поворот влево.

— Да. — Он с облегчением вздохнул. — Кажется, все в порядке. Что-то промелькнуло прямо перед фонарем, и я вздрогнул от неожиданности.

— «Что-то»?

— Оно пронеслось так быстро! Просто молнией! Словно бросок змеи.

— У этого «что-то» была голова рыбы, а тело угря?

— Да. Именно так.

— Тогда это термарцес, рыба из семейства бельдюговых. Термарцес церберус.

«Цербер. — Ахерн мысленно содрогнулся. — Трехголовый пес, охраняющий врата ада».

— Они любят тепло и серу, — сказала Хелен. — Ты их еще не раз увидишь, когда подойдешь ближе к жерлу.

«Тебе лучше знать», — подумал он.

Ахерн не разбирался в морской биологии. Создания, которые теперь то и дело возникали из тьмы и проплывали мимо акрилового фонаря, были для Стивена не более чем курьезами, живыми дорожными знаками,

указывающими путь к цели. Он покрепче ухватил ручки управления и повел «Дип Флайт IV» вниз, в бездну.

Две тысячи метров. Три тысячи.

А что, если он все-таки повредил корпус?

Четыре тысячи метров. По мере погружения давление воды линейно увеличивалось. Вода за бортом стала совсем черной, ее подцвечивали только фонтаны серы, бившие из жерла внизу. Светильники на крыльях с трудом пробивали густую минеральную взвесь. Вихри мути совсем закрыли обзор, тогда Стивен вывел субмарину из серных вод, и видимость улучшилась. Он спускался к краю гидротермального жерла, подальше от фонтана разогретой магмой воды, однако температура за бортом продолжала подниматься.

Пятьдесят градусов.

Снова что-то промелькнуло перед фонарем. На этот раз Стивену удалось сохранить спокойствие. Теперь Ахерн увидел целую компанию термарцесов — больше всего они походили на толстых змей, которые висели вниз головой, словно застыв в подводном пространстве. Извергающаяся из жерла горячая вода богата сероводородом — веществом ядовитым и несовместимым с жизнью. И тем не менее даже в этих губительных черных водах жизнь процветала, поражая своими фантастическими, прекраснейшими формами. Прикрепившись к стене каньона, покачивались двухметровые черви рифтии, увенчанные ярко-красными перистыми плюмажами. Ахерн видел скопления гигантских двустворчатых моллюсков, из белых раковин которых высовывались бархатистые красные языки. Видел жутковатых, призрачно-бледных крабов, снующих среди расщелин.

Кондиционер работал исправно, но Стивен уже начал ощущать жару.

Шесть тысяч метров. Температура воды — восемьдесят градусов. В самом фонтане, разогретом кипящей

магмой, температура наверняка под триста. То, что жизнь существовала даже здесь, в абсолютной темноте, в ядовитых перегретых водах, казалось настоящим чудом.

— Шесть тысяч шестьдесят, — произнес Ахерн. — Я его не вижу.

Голос Хелен в наушниках звучал слабо и прерывисто:

— На стене каньона есть карниз. Ты увидишь его примерно на шести тысячах восьмидесяти.

— Смотрю внимательно.

— Спускайся помедленнее. Он вот-вот появится.

— Шесть тысяч семьдесят. Пока не вижу. Тут внизу словно гороховый суп. Может, я не там, где нужно?

— ...данные гидролокатора... обваливается на тебя!..

Крик Хелен утонул в шуме статики.

— Не понял. Повтори.

— Обвалилась стена каньона! Обломки падают на тебя. Выбирайся отсюда!

Услышав громкое звяканье камней, обрушившихся на корпус, Ахерн в панике двинул вперед обе ручки управления. Прямо перед ним пронеслась огромная тень, еще более темная, чем мрак вокруг. Тень ударилась о карниз, отскочила, и в бездну посыпался новый дождь обломков. Звяканье участилось. Затем раздался оглушительный лязг, и тут же последовал толчок, который Стивен ощутил как удар гигантского кулака.

Голова Ахерна дернулась, подбородок воткнулся в ложемент. Аппарат резко накренился, и Стивен услышал отвратительный скрежет металла — это правое крыло царапало выступающие камни. Субмарина начала переворачиваться влево. Перед фонарем клубилась муть, полностью закрывая обзор.

Ахерн ударил по рычагу аварийного сброса балласта и судорожно заработал ручками управления, пы-

таясь направить аппарат вверх. Однако «Дип Флайт IV» повело вперед, металл снова заскрежетал по камню, опять сильный крен, теперь уже вправо, и вдруг субмарина замерла. Ее словно заклинило. Стивен дал двигателю полные обороты и начал бешено дергать ручки управления.

Никаких результатов.

Ахерн сделал паузу. Сердце колотилось вовсю, но он постарался справиться с растущим ужасом. Почему аппарат не движется? Почему не слушается управления? Стивен заставил себя вникнуть в то, что показывали два цифровых экрана. Напряжение батареи в норме. Кондиционер работает. Глубиномер исправен. Шесть тысяч восемьдесят два метра.

Муть медленно оседала, и в луче светильника левого крыла тени начали обретать форму. Впереди растянулся совершенно инопланетный пейзаж — черные иззубренные камни, на которых колыхались кроваво-красные рифтии. Вытянув шею, Стивен повернул голову вбок, стараясь рассмотреть правое крыло. От того, что он увидел, его сердце ухнуло в пятки.

Крыло намертво застряло меж двух камней. Субмарина не могла двигаться ни вперед, ни назад.

«Я погребен заживо, — подумал Ахерн. — На глубине шесть тысяч метров».

— ...слышишь? Стив, ты меня слышишь?

— Не могу сдвинуться с места. — Ахерн с удивлением понял, что это говорит он сам — чужим, севшим от страха голосом. — Правое крыло застряло...

— ...закрылками левого крыла. Небольшое качание... сможешь освободиться...

— Я уже пытался. Я все испробовал. Не могу сдвинуться.

В наушниках воцарилась мертвая тишина. Что, пропала связь? Он отрезан? Ахерн подумал о корабле, мягко покачивающемся на волнах высоко над ним, о палу-

бе, залитой солнечным светом. Там, наверху, стоял прекрасный день, в вышине парили птицы. Море, бездонная синева...

Вдруг в наушниках раздался мужской голос. Это был Палмер Габриэль, человек, на деньги которого и была снаряжена эта экспедиция. Он говорил, как всегда, спокойно и уверенно:

— Стив, мы уже начали спасательную операцию. К тебе спускается другая субмарина. Мы поднимем тебя, как только сможем.

Последовала пауза. Затем Габриэль спросил:

— Ты что-нибудь видишь? Где ты находишься?

— Я... я на карнизе, который расположен как раз над жерлом.

— Какие детали можешь разобрать?

— Детали?

— Ты на глубине шесть тысяч восемьдесят два метра. Как раз эта глубина нас и интересует. Что там с карнизом, на котором ты находишься? Какие камни видишь?

«Я вот-вот погибну, а его интересуют гребаные камни!» — мысленно выругался Ахерн.

— Стив, включи проблесковый маяк. Скажи нам, что ты видишь.

Ахерн заставил себя посмотреть на панель управления, нашел нужный тумблер и перебросил его.

Яркие вспышки света пронзили мрак. Стивен уставился на мерцающий пейзаж. До этого он видел только червей. Теперь его внимание переключилось на огромное поле осколков, разбросанных по карнизу. Камни были угольно-черные, как и марганцевые конкреции, только не гладкие, а с острыми неровными краями, что делало их похожими на спекшиеся осколки стекла. Поглядев вправо, туда, где обломок, оторвавшийся от скалы, придавил крыло субмарины, Ахерн вдруг понял, на что он смотрит.

- Хелен права, — прошептал он.
- Не понял. Повтори.
- Хелен была права! Вот он, источник иридия...

я его вижу...

- Сигнал слабеет. Советую тебе...

Голос Габриэля утонул в статике и затих.

— Не понял. Повторите. Я не понял! — крикнул Ахерн.

Ответа не последовало.

Стивен слышал буханье собственного сердца, свое дыхание он воспринимал как прерывистый рев. «Спокойнее, спокойнее. Я слишком быстро расходую кислород...»

По ту сторону акрилового фонаря в ядовитой воде нежно плясала жизнь. Минуты тянулись, превращаясь в часы. Стивен наблюдал за колышущимися рифтиями, алые плюмажи которых безостановочно прочесывали воду, вылавливая питательные вещества; следил за безглазым крабом, боком бродившим среди камней.

Освещение стало тускнеть. Внезапно заглох кондиционер.

Батареи умирали.

Ахерн выключил проблесковый маяк. Теперь воду прорезал лишь слабый луч светильника на левом крыле. Через несколько минут он почувствует жар воды, нагретой магмой до восьмидесяти градусов. Этот жар проникнет сквозь корпус и медленно сварит Стивена в его собственном поту. Ахерн ощутил, что по щеке побежала струйка пота. Он продолжал следить за крабом, с изыщной важностью шествующим по каменистому карнизу.

Светильник левого крыла замигал.

И потух.

ЗАПУСК

2

7 июля

Два года спустя

«Прервать полет!»

Сквозь гром ракетных ускорителей и зубодробительную вибрацию корпуса корабля команда прервать полет так ясно прозвучала в ушах астронавта-исследователя Эммы Уотсон, что услышать ее она могла только из наушников. На самом деле никто из членов экипажа не произнес ни слова, но в это мгновение стало ясно, что надо принимать решение, и быстро. Эмма пока не слышала вердикта командира Боба Киттреджа и пилота Джилл Хьюитт, сидевших в кабине впереди нее. Да и не нужно было. Они так давно работали вместе, что могли читать мысли друг друга, и, глядя на желтые огни аварийной сигнализации, что мигали на пульте управления шаттла, они четко знали, что нужно делать.

За несколько секунд до этого «Эндевор» достиг максимального скоростного напора, того момента запуска, когда корабль, преодолевая сопротивление атмосферы, начинает неистово трястись. Киттредж быстро уменьшил тягу до семидесяти процентов, чтобы умерить тряску. Теперь, судя по аварийной сигнализации, у них отказали два маршевых двигателя из трех. Но с одним работающим маршевым двигателем и двумя РДТТ — твердотопливными ракетными ускорителями — им ни за что не выйти на орбиту.

Запуск придется прервать.

— Центр, это «Эндевор», — уверенно и бодро произнес Киттредж. Ни намек на тревогу. — Не можем увеличить скорость. Отказ левого и центрального МД на точке МСН. Мы влипли. Переходим к аварийному прекращению полета с возвращением на место старта.

— Вас понял, «Эндевор». Подтверждаем отказ двух МД. После выгорания топлива в РДТТ приступайте к АПП ВМС¹.

Эмма уже перебирала пакет инструкций в поисках карты «ВМС». Экипаж знал наизусть каждый шаг этой процедуры, но в бешеном темпе операции по возвращению на место старта некоторые жизненно важные действия забываются. Бортовая инструкция была гарантией их безопасности.

С бешено колотившимся сердцем Эмма просматривала соответствующую цепочку действий, помеченную голубым. При отказе двух двигателей возвращение на место старта возможно, но лишь теоретически. Теперь должна произойти целая серия чудес. Сначала нужно слить топливо, а потом, перед отсоединением огромного внешнего топливного бака, заглушить оставшийся маршевый двигатель. Затем, когда шаттл достигнет критической высоты, Киттредж должен совершить разворот и направить корабль к месту старта. У него будет единственная возможность — единственная! — чтобы благополучно приземлиться на посадочную полосу Центра имени Кеннеди. Одна ошибка — и «Эндевор» упадет в море.

Их жизни теперь в руках командира Киттреджа.

Голос Боба, постоянно выходявшего на связь с Центром управления полетами, казался уверенным и даже немного скучающим, когда они подошли к двухминут-

¹ АПП ВМС — аварийное прекращение полета с возвращением на место старта. (Здесь и далее примеч. ред.)

ной отметке. Очередная критическая точка. На дисплее высветился сигнал: «Тт < 50». Твердое топливо выгорало точно по расписанию.

Когда ракетные ускорители израсходовали топливо, Эмма сразу же ощутила поразительное снижение скорости. Затем произошел отстрел РДТТ от топливного бака, и она зажмурилась от ослепительной вспышки света.

Рев старта сменила зловещая тишина, неистовая тряска ослабла, уступив место мягкому, почти спокойному парению. В наступившей тишине Эмма слышала, как учащается пульс, как сердце глухо бьется о стенки грудной клетки.

— Центр, это «Эндевор», — неестественно спокойным голосом заговорил Киттредж. — РДТТ отделились.

— Вас понял, мы видим.

— Начинаем АПП.

Киттредж нажал кнопку аварийного прекращения полета, переключатель был уже установлен в положение «ВМС».

В наушниках Эмма услышала голос Джилл Хьюитт:

— Эмма, давай послушаем инструкцию!

— Принято.

Эмма начала читать вслух, и ее голос звучал так же отстраненно-спокойно, как и Киттреджа с Хьюитт. Если бы кто-нибудь посторонний услышал их диалог, он ни за что не догадался бы, что в глаза этим людям смотрит смерть. Подавив панику, они словно перешли в автоматический режим, и всеми их действиями теперь управляли механическая память и опыт тренировок. Бортовые компьютеры автоматически установят обратный курс. Но пока шаттл все еще двигался в направлении от места старта, поднимаясь на высоту сто двадцать километров по мере сбрасывания топлива.

Вдруг у Эммы все поплыло перед глазами — это шаттл, опуская нос и задирая хвост, начал поворот с разворотом. Линия горизонта, которая до этого была «вверх ногами», заняла привычное положение, и «Эндевор» взял курс на Центр Кеннеди, находившийся теперь в семистах километрах от них.

— «Эндевор», это Центр. Выключайте двигатель.

— Вас понял, — ответил Киттредж. — Есть ВМД.

На пульте три индикатора состояния двигателей замигали красным. Все маршевые двигатели были выключены, через двадцать секунд внешний топливный бак отсоединится и будет сброшен в море.

«Быстро снижаемся, — подумала Эмма. — Но зато направляемся домой».

Раздался сигнал тревоги. Эмма вздрогнула, на пульте зажглись дополнительные индикаторы.

— Центр, у нас отказ компьютера номер три! — прокричала Хьюитт. — Потерян вектор состояния навигации! Повторяю, мы потеряли вектор состояния навигации!

— Возможно, полетели инерциальные измерители, — предположил Энди Мерсер, еще один астронавт-исследователь, сидевший рядом с Эммой. — Отключи их.

— Нет! Скорее всего, сбой шины данных! — вмешалась Эмма. — Думаю, надо включить резервную.

— Согласен! — крикнул Киттредж.

— Переходим на резервную, — сказала Хьюитт. Она переключилась на компьютер номер пять.

Вектор появился снова. Все с облегчением вздохнули.

Взрыв пирозарядов сигнализировал о том, что пустой топливный бак отделился. Они не видели, как он падал в море, но знали: только что они миновали очередную критическую ситуацию. Корабль теперь летел

свободно, словно возвращавшаяся домой толстая, неуклюжая птица.

— Черт! Мы потеряли ВСУ!¹ — рявкнула Хьюитт.

Когда зазвучал очередной сигнал тревоги, Эмма лишь вздернула подбородок. Вышел из строя вспомогательный генератор. Затем снова сигнал тревоги. В панике Эмма метнула взгляд на пульта управления, где мигало множество желтых аварийных сигналов. С экранов исчезли все данные. Вместо них высвечивались только зловещие черные и белые полосы.

«Отказ всех компьютеров!» — с ужасом подумала Эмма.

Они летели без навигационных данных. Без всякой возможности управлять элевонами и аэродинамическим щитком.

— Мы с Энди пробуем оживить ВСУ! — крикнула Эмма.

— Включить резервное питание!

Хьюитт щелкнула тумблером и выругалась.

— Ребята, мне это не нравится. Ничего не происходит...

— Включи еще раз!

— Не включается!

— Корабль кренится! — закричала Эмма и почувствовала, как ее желудок повело в сторону.

Киттредж бился с ручкой управления, но крен на правый борт оказался слишком сильным. Горизонт встал вертикально, а затем и вовсе перевернулся. Потом правый борт пошел вверх, и у Эммы опять повело желудок. Следующий оборот не заставил себя ждать. Горизонт закружился перед ними, превратившись в тошнотворный вихрь неба, моря, неба, моря...

Тодес. Спираль смерти.

¹ ВСУ — вспомогательная силовая установка.

Эмма слышала стоны Хьюитт, слышала, как Киттредж с унылой обреченностью произнес:

— Я потерял корабль.

Вращение ускорилось, теперь впереди только падение, а затем резкий сокрушительный удар.

В кабине воцарилась тишина...

...которую нарушил бодрый голос, раздавшийся в наушниках экипажа:

— Мне жаль, ребята. Но на этот раз не получилось.

Эмма сдернула наушники:

— Это нечестно, Хейзел!

— Эй, ты просто-напросто решила нас убить, — с возмущением присоединилась к Эмме Джилл Хьюитт. — Из этой ситуации вообще не было выхода!

Эмма первой выбралась из симулятора полета. Вместе с остальными она прошла в беззаконный зал, где за пультами сидели три инструктора.

Руководитель группы Хейзел Барра с озорной улыбкой повернулась к четырем взбешенным членам экипажа Киттреджа. Хотя Хейзел, с ее выющимися каштановыми волосами, и походила на пышущую здоровьем богиню плодородия, в действительности она была безжалостным геймером, игроком в страшные компьютерные игры; Хейзел заставляла астронавтов проходить самые сложные полетные тренировки, и если экипажу не удавалось выжить, она считала это своей личной победой. Хейзел прекрасно осознавала, что каждый запуск может закончиться катастрофой, и хотела, чтобы ее астронавты получили навыки выживания. Потеря любой из ее команд была бы настоящим кошмаром, и Хейзел надеялась, что никогда не увидит такого, даже во сне.

— Эта тренировка и впрямь удар ниже пояса, — недовольно произнес Киттредж.

— Ну да, — не смутилась Хейзел. — Вы, ребята, все время выживаете. Пришлось сбить с вас спесь.

— Да ладно, — вмешался Энди. — Чтобы сразу два двигателя отказали на старте?! Чтобы вышла из строя магистраль данных?! И еще ВСУ?! А потом — до кучи — отказ пятого компьютера?! Столько сбоев и дефектов сразу? Так не бывает.

Еще один инструктор — Патрик — с ухмылкой обернулся к экипажу:

— Вы, ребята, даже не заметили, что мы сделали кое-что еще.

— Ну и что же это?

— Я закинул вам непонятку с датчиком кислородного бака. Кто-нибудь уловил изменения в показаниях манометра, а?

Киттредж рассмеялся:

— А у нас было на это время? Мы сражались с десятком других отказов.

Хейзел воздела свои пухлые руки, призывая к перемирию:

— Ладно, ребята. Может быть, мы и впрямь перестарались. Откровенно говоря, нас удивило, как долго вы держались. Мы хотели добавить еще один отказ, чтоб было поинтересней.

— Вы добавили целый ящик отказов, — фыркнула Хьюитт.

— Дело в том, ребята, — сказал Патрик, — что вы слишком уж самоуверенны.

— Уверены в себе, ты хочешь сказать, — поправила Эмма.

— И это неплохо, — согласилась Хейзел. — Хорошо быть уверенным в себе. На прошлой неделе во время комплексной тренировки вы продемонстрировали прекрасную командную работу. Даже Гордон Оби сказал, что он весьма впечатлен.

— Сфинкс так и сказал? — Киттредж удивленно поднял брови.

Гордон Оби был директором управления летных экипажей, человеком поразительно молчаливым и настолько отчужденным, что никто в Космическом центре имени Джонсона толком не знал его. Обычно на собраниях руководителей полетов Гордон Оби сидел, не произнося ни слова, но никто не сомневался, что мысленно он подмечал каждую мелочь. Перед Оби астронавты испытывали как благоговейный трепет, так и нешуточный страх. От него зависели назначения на полет, и он мог как подтолкнуть карьеру астронавта, так и разрушить ее. То, что Оби похвалил экипаж Киттреджа, было действительно хорошей новостью.

Но Хейзел быстро спустила их с небес на землю.

— Однако Оби обеспокоен, что вы, ребята, слишком беспечны, — добавила она. — Для вас это все еще игра.

— А чего Оби ждал от нас? — удивилась Хьюитт. — Что мы постоянно будем думать о десяти тысячах способов разбиться и сгореть?

— Катастрофа — вопрос не теоретический.

Эта спокойно произнесенная фраза мгновенно заставила их замолчать. После гибели «Челленджера» все до единого астронавты осознали: следующая катастрофа — не более чем вопрос времени. Люди, которые в буквальном смысле слова сидят верхом на ракетах, доверху заправленных топливом, чтобы рвануть вверх с тягой в две с половиной тонны, не могут беспечно относиться к опасностям своей профессии. И тем не менее они редко высказывались на тему смерти в космосе; разговор о смерти означал бы, что они допускают ее вероятность и признают: в списке экипажа следующего «Челленджера» могут стоять их имена.

Хейзел поняла, что ее слова угнетающе подействовали на экипаж. Заканчивать тренировку на такой ноте было бы неправильно, поэтому она пошла на пятую:

— Я говорю это только потому, что вы, ребята, — хорошая, цельная команда. Мне приходится стараться, чтобы выбить вас из колеи. До вашего запуска еще три месяца, а вы уже в приличной форме. Однако я все равно хочу ее улучшить.

— В общем, ребята, не задавайтесь, — резюмировал Патрик из-за своего пульта.

Боб Киттредж в притворном смирении склонил голову:

— Сейчас отправимся по домам и наденем вериги.

— Чрезмерная самоуверенность опасна, — сказала Хейзел.

Она поднялась из кресла и повернулась к Бобу. Киттредж, ветеран космических экспедиций, участник трех полетов на шаттле, превосходил ее ростом на полголовы и обладал осанкой уверенного в себе человека, характерной выправкой морского летчика, которым когда-то и был. Но Хейзел не робела ни перед Киттреджем, ни перед кем бы то ни было из астронавтов. Будь они хоть гениями науки с семью пядями во лбу, хоть военными героями, Хейзел печалилась только об одном, и печаль эта была чисто материнской: она мечтала, чтобы все вернулись на землю живыми.

— Ты очень хороший командир, Боб, — сказала она. — Настолько хороший, что тебе удалось внушить экипажу мысль, будто им все дается легко.

— Нет, они только делают вид, будто им все дается легко. Потому что они хороши во всем, даже в делании вида.

— Ну-ну, посмотрим. Комплексная тренировка назначена на вторник, на борту будут Холи и Хигучи. У нас за пазухой есть еще несколько фокусов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	7
МОРЕ	9
ЗАПУСК	18
СТАНЦИЯ	90
БОЛЕЗНЬ	123
ВСКРЫТИЕ	225
ХИМЕРА	267
ИСТОЧНИК	352
МОРЕ	409